

СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.c25h-ac49

M. A. Клупт

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В XX И XXI СТОЛЕТИЯХ

Отторжение значительной частью населения таких либеральных концепций, как феминизм, решение демографической проблемы посредством массовой иммиграции, признание равноценными традиционных и однополых браков, привело в 2010-е гг. на Западе к росту электоральной поддержки правого популизма, в России — к неотрадиционализму. Российский неотрадиционализм в сфере семьи и сексуальности выражается, скорее, в неприятии ряда паттернов, трактуемых как тлетворные западные веяния, нежели в реальных поведенческих практиках. Государственный патернализм характерен для семейной политики многих западных государств; в России он, в силу особенностей цивилизационной матрицы, неизбежен, однако его необходимо удерживать в разумных рамках. Развитие сетей взаимодействия между государством и социально ориентированными некоммерческими организациями остается для современной России крайне актуальным.

Ключевые слова: семьяная политика, пронатализм, патернализм, неотрадиционализм, популизм, сравнительный анализ.

KLUPT MIKHAIL A.

THEORIES AND PRACTICES OF FAMILY POLICY IN THE XX AND XXI CENTURIES

In the 2010-th mass resentment towards such liberal conceptions as feminism, greeting of large-scale immigration, equal value of traditional and same-sex marriages contributes to the surge of right populism in the West and neotraditionalism in Russia. In the domains of family and sexuality, Russian neotraditionalism manifests itself in hostility to some patterns, interpreted as Trojan horse of the West, rather than in real behaviour. State paternalism is typical of family policy in many Western countries. While, due to specificity of civilization matrix, state paternalism is inevitable in Russia, it should be kept within reasonable boundaries. Progress in interaction between a state and non-profit NGOs remains to be topical for today's Russia.

Keywords: family policy, pronatalism, paternalism, neo-traditionalism, populism, comparative analysis.

Настоящая статья представляет собой попытку углубить понимание сегодняшнего этапа и проблем семейной политики в России, опираясь на анализ ее истории в различных странах. Охватить всемирную историю семейной политики в рамках одной статьи, разумеется, невозможно, в силу чего наш анализ вынужденно фрагментарен. Мы тем не менее стремились хотя бы в некоторой степени отразить ключевые элементы эволюции семейной политики — ее ожидаемые и непредвиденные последствия, конкуренцию, преемственность и отторжение идей, взаимодействие государства и организаций третьего сектора, влияние общих для всего мира тенденций и их преломление в призме цивилизационных особенностей.

Франция: от пронатализма к поддержке работающих родителей

Возникновение демографической и тесно связанной с ней семейной политики Франции было обусловлено как международными, так и внутриполитическими причинами. Становление французской демографической политики проходило под влиянием травмы, нанесенной французскому национальному самосознанию поражением во франко-прусской войне 1870–1871 гг., и перманентной угрозы германской агрессии, исчезнувшей лишь после разгрома фашизма 1945 г. В формировании и реализации демографической и семейной политики огромную роль сыграли организации третьего сектора: элитарные (Национальный союз за увеличение численности французского населения); выросшие «снизу» (Народная лига отцов и матерей многодетных семей и целый ряд других); католические.

Каждый из этих типов организаций, требуя от государства поддержки семей (в период до Второй мировой войны, прежде всего, многодетных), руководствовался собственными мотивами и действовал своими методами. Для Национального союза главным было повысить рождаемость — в этом виделся способ усилить армию и предотвратить германскую агрессию. Идейной основой Национального союза был патриотический пронатализм, а главными идейными врагами — неомальтизианцы, доминировавшие на противоположном берегу Ла-Манша, и их не столь влиятельные французские единомышленники.

Национальный союз, в котором в 1913 г. насчитывалось всего 230 членов (Thebaud 1985: 278), долгое время был по сути элитарным клубом, его политическое влияние определялось авторитетом его основателей и близостью к власти¹.

Народная лига, возглавляемая капитаном Симоном Мэрром, небогатым отставным артиллеристом и многодетным отцом, насчитывала 600 тыс. приверженцев (Messel 1992: 19) и множество местных секций. Для Народной лиги пронатализм был обоснованием ее требований к правительству, целью же служило повышение уровня жизни многодетных семей. В 1911 г. Народная лига организовала многолюдную манифестацию в Париже, требуя поддержки многодетных семей. Капитан Мэр был временно задержан полицией, но общественное мнение и прессы встали на его сторону (De Luca Barusse 2009). Прибегая к современной терминологии, можно сказать, что Национальный союз инициировал французскую демографическую политику, тогда как Народная лига и другие семейные ассоциации — семейную. Итогом их совместных действий в конечном счете стала сегодняшняя семейная политика Франции, остающаяся одной из самых щедрых в мире.

Формирование семейной политики Франции в период до Второй мировой войны определяли две политические идеи. Первая — поддержание внутренней стабильности или, иными словами, классового мира оказалась верной — Франции удалось избежать хорошо знакомых ей в прошлом революционных потрясений. Этому, в частности, способствовал закон об ассоциациях 1901 г., предоставлявший общественным ассоциациям значительную свободу. Вторая — защититься с помощью повышения рождаемости от германской агрессии оказалась наивной и иллюзорной. Тем не менее связка «повышение рождаемости — величие Франции» оставалась одной из доминирующих политических концепций французского политического сознания и в первые послевоенные десятилетия.

В своей речи 2 марта 1945 г. генерал Де Голль назвал рождение в ближайшее десятилетие 12 млн здоровых малышей задачей, без решения которой Франция рискует превратиться в «гаснущий светоч» (Де Голль 2004: 502–503). На следующий день был подписан указ о создании союзов семейных ассоциаций на национальном уровне

¹ Среди основателей и руководителей союза в разные годы были всемирно известные ученые Ж. Бертильон, Э. Жаваль, А. Ландри, занимавшиеся наряду с научной также и административной и политической деятельностью, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины Ш. Ришье. Членом союза был и Э. Золя, пронаталистские убеждения которого нашли отражение в его романе «Плодовитость» (1899).

UNAF (Union Nationale des Associations Familiales) и уровне департаментов *UDAF (Union Départementale des Associations Familiales)*. Национальный союз семейных ассоциаций (*UNAF*) субсидируется государством и объединяет семейные ассоциации, придерживающиеся различных взглядов и охватывающие самые различные сферы жизни. В 2014 г. в него входили 6808 ассоциаций, членами которых были 689 430 семей.²

Семейная политика Франции формировалась как равнодействующая множества политических сил, отчасти спонтанно, под влиянием эпохальных исторических событий, диктовавших ей свою логику, отчасти целенаправленно, благодаря действиям политиков. Как представляется, наибольшего внимания заслуживают в ней следующие аспекты.

Во-первых, несмотря на перманентную и порой яростную идеологическую полемику между пронаталистами, мальтузианцами, националистами, либералами, коммунистами, католиками, феминистками и т. д. (подробнее см.: Mossuz 1966; Le Bras 1991; Rosental 2003) Франции удалось не утерять идею интегрированного, хотя и далеко не единого в своих взглядах и целях движения за права семьи. Организационным оформлением этой идеи являются получающие финансовую помощь от государства союзы семейных ассоциаций, образованные на уровне страны, региона³ и департамента (*UNAF/URAF/UDAF*). Подобное разделение «идеологического» и «повседневного» оказалось весьма важным в практическом отношении, поскольку позволило не утопить в потоке публицистической риторики реальную деятельность семейных ассоциаций.

Во-вторых, Франции на несколько десятилетий раньше, чем ФРГ, удалось модернизировать свою семейную политику. Начиная с 1970-х – 1980-х гг. она была перефокусирована с модели одного кормильца на помочь двоим работающим родителям и, в частности, на развитие сети детских дошкольных учреждений (Letablier 2003). Это наряду со щедростью семейных пособий стало причиной того, что на протяжении всего послевоенного периода суммарный коэффициент рождаемости во Франции был существенно выше, чем в Германии. Сходство уровня экономического и социального развития Франции и ФРГ, их принадлежность к одному культурному ареалу и членство

² <https://www.unaf.fr/spip.php?rubrique26>; <https://www.unaf.fr/spip.php?rubrique3> (дата обращения: 02.05.2019).

³ Административный регион является более крупной, чем департамент, единицей административно-территориального деления Франции.

в ЕС позволяют сделать вывод о том, что причиной устойчиво более высокого уровня рождаемости во Франции является именно ее демографическая политика, позднее переименованная в семейную, но сохранившая свою демографическую направленность.

В-третьих, семейная политика во Франции не была свернута, несмотря на утрату пронатализмом значительной части своей популярности в правящих кругах и растущее влияние на них экономических концепций, видящих корень всех бед в избыточных государственных расходах. Значительную роль в защите семейной политики продолжают играть «семейные» ассоциации. Пронатализм при этом отошел на второй план, но не совсем забыт. Представители семейных ассоциаций, критикуя правительство за стремление урезать под видом реформ семейные пособия, подчеркивают, что его действия чреваты потерей Францией предмета ее гордости — европейского лидерства в уровне рождаемости.

Скандинавские страны: государственный патернализм семейной политики

Щедрость семейной политики скандинавских стран хорошо известна. В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание на другой ее аспект — государственный патернализм. Его жесткий, а точнее жестокий вариант — принудительные по своей сути стерилизации 1935–1975 гг., жертвам которых шведское правительство впоследствии выплачивало компенсации (Lennerheld 1997; Россиянов 2000) ушел в прошлое. Патернализм современных мер семейной политики скандинавских стран носит несравненно более мягкий характер.

Одна из этих мер — так называемая отцовская квота. Суть ее состоит в том, что отцы могут воспользоваться правом на дополнительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком (в Швеции 1 месяц, в Норвегии 5 недель), но не могут передать его матери — неиспользованный отпуск в этом случае пропадает. В Швеции правом на такой отпуск воспользовались 90% отцов (Albrecht, Fichtl, Redler 2017: 50). Другая мера — «премия за равенство» — шведские родители, разделившие отпуск поровну, получают налоговую скидку. Еще одна мера — «премия за скорость», предоставляющая льготы родителям, у которых интервал между рождениями детей не превысил 2,5 лет, была введена в 1986 г. и привела к росту суммарного коэффициента рождаемости с 1,74 в 1985 г. до 2,13 в 1990 г.

Дискуссионной в политическом отношении темой был вопрос о создании частных садов. Шведские социал-демократы выступали против них, считая, что детские дошкольные учреждения должны быть исключительно государственными, так как в противном случае будет нарушено равенство условий социализации шведских детей, а государственные детские сады превратятся в заведения для бедных. По той же причине социал-демократы, а также феминистские организации и организации учителей выступали и против предоставления компенсации семьям, чьи дети не посещают детские сады. Они предупреждали, что этими компенсациями воспользуются в основном женщины-иммигрантки; в результате сами женщины не будут интегрированы в шведскую модель гендерного равенства, а их дети не подготовлены к школе.

В отличие от Швеции, в Норвегии и Финляндии такие компенсации получили широкое распространение и помогают многим женщинам «пересидеть» дома времена, в которые трудно найти работу. В Швеции же отсутствие подобного демпфера способствовало сильному скачку безработицы во время кризиса начала 1990-х гг. Необычайно сильные колебания суммарного коэффициента рождаемости в Швеции (1,63 в 1981 г., 2,13 в 1990 г., 1,50 в 1998 г.) были, скорее всего, связаны и с этим фактором, а не только с переносом рождений на более ранний срок под влиянием «премии за скорость», введенной в 1986 г.

В целом же меры семейной политики Швеции и Норвегии позволяют им оставаться в числе стран с относительно высокой по европейским меркам рождаемостью. Швеция, занимавшая по величине суммарного коэффициента в 1975 г. лишь 36-е место среди 41 развитой страны, в 2016 г. была в тройке лидеров, уступая по значению этого показателя (1,85) лишь Франции (1,92) и Новой Зеландии (1,87).

ФРГ и Италия: парадоксы «естественной семьи»

Семейная политика ФРГ и Италии после Второй мировой войны формировалась христианскими демократами, полагавшими, что «естественная семья» (отец-кормилец и мать-домохозяйка, воспитывающая детей) столь же естественным образом обеспечит и уровень рождаемости, исключающий депопуляцию. В рамках этой концепции принятый во Франции уровень семейных пособий представлялся избыточным. Кроме того, в Италии и Германии стимулирование рождаемости, подобное французскому, было невозможно, так как ассоциировалось бы со стимулированием рождений «истинных арийцев» в нацистском третьем рейхе и фашистской Италии.

Ставка на естественную семью, однако, не оправдала себя. С конца 1970-х гг. уровень рождаемости в Германии и Италии был заметно более низким, чем во Франции и Швеции, осуществивших целый комплекс мер, направленных на поддержку работающих матерей и щедрую материальную помощь семьям с детьми (рис. 1).

По мнению многих экспертов, одной из основных причин столь низкой рождаемости стала недостаточное внимание, уделяемое государством развитию инфраструктуры дошкольного воспитания детей, роль которой в условиях преобладания семей, где отец работал, а мать занималась детьми, долгое время казалась второстепенной. Представления о том, какой должна быть «хорошая мать», в ФРГ существенно отличались от Франции, где инфраструктура дошкольного воспитания была развита гораздо лучше и профессиональная деятельность женщин стала нормой. В ФРГ с ее моделью отца-кормильца и матери-домохозяйки, «правильная» мать должна была оставаться дома до тех пор, пока ее дети не подрастут. Для многих немок рождение второго ребенка оказывалось в этих условиях несовместимым либо с профессиональной карьерой, либо с хорошим выполнением материнских обязанностей.

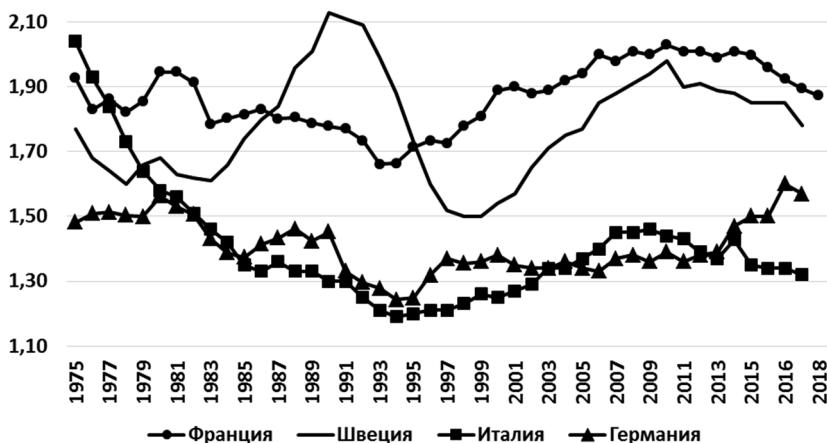

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в четырех европейских странах в 1975–2018 гг.

Источники: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php> (дата обращения: 05.05.2019); https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Fertility_statistics#Total_fertility_rate_and_age_of_women_at_birth_of_first_child (дата обращения: 05.05.2019)

В минувшем десятилетии семейная политика ФРГ была переориентирована на модель семьи с двумя работающими родителями. В 2010-е годы заметно вырос размер семейных пособий, с 2015 г. родительский отпуск по уходу за ребенком был увеличен до трех лет, причем этим отпуском, разбивая его на части, можно воспользоваться до достижения ребенком восьми лет. Был принят ряд мер, способствующих тому, чтобы отпуска по уходу за ребенком использовались не только матерями, но и отцами. Доля отцов, воспользовавшихся такими отпусками, выросла с 3,5% в 2007 г. до 35,7% в 2015 г. (Albrecht, Fichtl, Redler 2017: 50). Рост суммарного коэффициента рождаемости в ФРГ — с 1,36 в 2011 г. до 1,60 в 2016 г. и 1,57 в 2017 г. скорее всего, в той или иной степени, представляет собой реакцию на эти меры. В пользу этого вывода говорит то, что подобная реакция наблюдалась ранее и в других странах, включая Россию. В Италии же, где меры семейной политики, подобные немецким, не были введены, суммарный коэффициент рождаемости остается одним из самых низких в Европе (1,32 в 2017 г.).

Роль государства в семейной политике: межстранные различия

Характер взаимоотношений между государством и организациями третьего сектора в области семейной политики в конечном счете определяется цивилизационной матрицей и одной из ее базовых характеристик — местом государства в общественной жизни. Это обстоятельство, наряду с различиями в уровне экономического развития, определяет широкую вариацию национальных моделей семейной и демографической политики.

Одной из них является политика снижения рождаемости в странах Африки южнее Сахары. Ввиду финансовой и политической слабости государственных институтов, основными спонсорами такой политики стали западные страны и международные организации, также в значительной степени финансируемые из западных источников. Посредниками в распределении средств, ассигнуемых Западом на снижение рождаемости, стали национальные неправительственные организации (далее — НПО). Для африканской модели характерны: отсутствие средств на проведение демографической и семейной политики у национальных правительств; проведение демографической политики под диктовку западных держав с целью добиться их политической

благосклонности и финансовой помощи в «недемографических» областях; конфликты между местными НПО и национальными правительствами по поводу использования полученных от западных спонсоров средств. Успехи политики снижения рождаемости в Африке южнее Сахары невелики. В целом по региону суммарный коэффициент рождаемости снизился по оценкам ООН с 6,78 в 1975–1980 гг. до 5,10 в 2010–2015 гг. (World... 2017).

Несмотря на то, что российские проблемы и цели в области рождаемости диаметрально противоположны африканским, параллели между африканской моделью и российской семейной политикой в 1990-е гг. достаточно очевидны. Российский опыт 1990-х гг. свидетельствует о неэффективности ухода государства из сферы семейной политики и иллюзорности надежд на то, что справиться с демографическими проблемами можно, полагаясь, главным образом, на активность международных и национальных НПО и помочь Запада.

Непосредственными причинами смены парадигмы российской семейной и демографической политики в 2000-е и 2010-е гг. были, разумеется, рост финансовых ресурсов российского государства и ухудшение отношений с Западом. Тем не менее в современной российской демографической и семейной политике вполне явно просматривается и цивилизационный фактор. Межстрановый анализ (Елисеева, Клуфт 2016; Клуфт 2016; 2018) свидетельствует о том, что в обществах, где государство играет центральную роль, в частности в России и КНР, демографическая и семейная политика неизбежно выстраивается иным образом, чем в государствах с давними традициями гражданского общества, сочетающимися с сильной государственной бюрократией (Франция). Патернализм шведской семейной политики тесно связан с идеалом «народного дома» и моделью «шведского социализма», в ряде отношений представляющего собой противоположность США, где высокий уровень жизни сочетается с популярностью идей «минимального государства».

Критика «государственного патернализма» в 1990-е гг. стала общим местом российской социологической литературы и публистики. Как представляется, эта критика является внутренне противоречивой. Российские исследователи и критики государственного патернализма, как правило, признают, что он, в сущности, вполне устраивает большинство населения, недовольство которого вызывает не сам факт государственной помощи, оказываемой на определенных условиях, а ее недостаточные размеры (Зеликова, Чернова 2012). Критика

патернализма, таким образом, осуществляется с типично патерналистских позиций — «неразумному» населению следует навязать решение, кажущееся идеологам разумным.⁴

Семейная политика стран Запада никогда не была свободна от патернализма. Жесткий патернализм (запрет контрацепции и абортов во Франции и многих других странах, принудительные стерилизации в Швеции) ушли в прошлое; патернализм современной семейной политики несравненно более мягок и опирается на позитивные, а не на негативные стимулы. Однако многие меры семейной политики, о которых говорилось выше — ограничения на развитие частных детских садов, «отцовские квоты» и «бонусы за равенство», отказ от компенсаций матерям, предпочитающим воспитывать детей дома, вполне подходят под понятие патерналистских. Все они, так или иначе, побуждают население к определенным моделям поведения, представляющимся правильными тем или иным группам политиков и идеологов.

«Государственный патернализм» — неизбежный спутник участия государства в семейной политике. Ожидания того, что государство, финансируя семейную политику, в то же время откажется от продвижения с ее помощью определенных идей и практик, носят утопический характер. При разработке и реализации семейной политики, разумеется, нельзя забывать о здравом смысле. Государственный патернализм не должен выходить за разумные границы, однако полностью «изгнать» его из политики, в том числе семейной, вряд ли когда-либо удастся.

Тренды 2010-х

Семейная политика, находясь на периферии внутриполитической борьбы и международных отношений, тем не менее связана с ними. В 2010-е годы выяснилось, что отторжение ряда идей, популярных среди либеральных политиков и интеллектуалов в 1990-е гг., оказалось более массовым, чем это когда-то ожидалось. К числу таких идей, среди прочего, относятся решение демографической проблемы за счет массовой иммиграции, утверждение феминистской повестки в качестве основы семейной политики, признание однополых браков равнозначных бракам между мужчиной и женщиной и ряд других.

⁴ Подобные противоречия типичны не только для России. Британских противников выхода из ЕС вряд ли можно отнести к идеологам и адептам государственного патернализма. Они тем не менее настаивают на том, что парламент должен уберечь народ, «по недомыслию» проголосовавший за Brexit, от его последствий.

Обострение отношений между Западом и не-Западом — Россией, Китаем, рядом исламских и латиноамериканских стран — привело к усилению в этих странах симпатий к «почвенному» и традиционному в противовес западному. В современном Китае, например, это проявляется в растущей популярности конфуцианства и стремлении сформировать новую идеологическую линию, объединяющую неоконсерватизм, традицию и теории социализма (Ломанов 2017).

В России значительная часть населения стала воспринимать экспансию западных паттернов семейных и сексуальных отношений как угрозу нравственным устоям общества и национальной идентичности. Российский неотрадиционализм в семейной сфере проявляется скорее в представлениях массового сознания, чем в реальном поведении. Добрачные «молодежные» сожительства стали едва ли не всеобщей практикой, не осуждаются и незарегистрированные брачные союзы людей более зрелого возраста. Социологические опросы свидетельствуют о том, что гибкое распределение обязанностей между супругами и их равенство в принятии решений стали доминирующей практикой. В то же время наблюдается растущее неприятие таких моделей поведения, как внебрачные связи людей, состоящих в браке, и однополые сексуальные связи (табл. 1).

Таблица 1
Динамика мнений о нормах сексуальных отношений в 1991–2018 гг.

Мнение	Доля респондентов (%), поддержавших данное мнение при опросе			
	Данные ВЦИОМ		Данные Левада-Центра	
	1991	2018	1998	2017
Внебрачная связь человека, состоящего в браке, всегда предосудительна	35	52	30	43
Однополые сексуальные связи всегда предосудительны	57	75	54	69

Источники: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8939> (дата обращения: 05.05.2019); <https://www.levada.ru/2018/01/11/17389/> (дата обращения: 05.05.2019).

Современные представления россиян о «правильной» семейной жизни, таким образом, сдвинулись в сторону модели, доминировавшей на протяжении большей части советского периода российской истории. То, что три десятилетия назад воспринималось как освобождение от надоевших запретов прежнего идеологического начальства, ныне снова видится ядовитым плодом, вкусить который злонамеренно предлагает враждебное внешнее окружение. Судя по опросу Института общественного мнения, 77% мужчин и 52% женщин относятся к феминизму отрицательно или скорее отрицательно, много знают о движении MeToo 12%, что-то слышали о нем 46% опрошенных, положительно или скорее положительно относятся к нему 37%, отрицательно или скорее отрицательно 28%, безразлично 35% (Взгляды... 2018). Подобное восприятие ситуации на массовом и официальном идеологическом уровнях взаимно подпитывают и усиливают друг друга. Многократные упоминания «традиционных семейных ценностей» в новой Концепции государственной семейной политики Российской Федерации представляют собой одно из проявлений этой тенденции.

С другой стороны, достижение либерального консенсуса по проблемам иммиграции, семьи и сексуальности оказалось невозможным и на самом Западе. Хотя Всемирная конференция по проблемам народонаселения в Каире в 1994 г. стала свидетельством растущего влияния НПО, продвигающих либеральную повестку в области reproductive прав и сексуальности, последующие попытки сделать ее доминирующей на международной арене встретили нарастающее сопротивление. Авторы доклада о действиях религиозно-консервативных НПО на международной арене не без разочарования отмечают, что приход в ООН религиозно-консервативных организаций, в значительной своей части американских, опрокинул либеральный консенсус, характерный ранее для форумов НПО в ООН (Lobbying... 2013: 5). Отрицание либеральной повестки в сфере семьи и сексуальности характерно также для набирающих политический вес правых популистских партий. В Италии за «Лигу» (бывшую «Лигу Севера»), проголосовало на последних выборах в Палату депутатов 17,4% избирателей, на 4,3 млн больше, чем на выборах 2013 г. Лидер Лиги, М. Сальвини, ставший министром внутренних дел, известен своей жесткой позицией по отношению к иммиграции. Другой представитель Лиги, министр семьи Л. Фонтана заявил, что главным пунктом его политической повестки станет рождаемость. Он также высказался против культурного релятивизма, навязываемого глобализацией, заявив

о своей приверженности естественной семье, в которой у ребенка должны быть мама и папа.⁵

Отказ Венгрии и Польши от выполнения квот по распределению беженцев, устанавливаемых Комиссией ЕС, вряд ли случайно совпал в этих странах с принятием мер, направленных на стимулирование рождаемости. В обеих странах партии, находящиеся у власти, использовали в качестве политического козыря борьбу за сохранение национальной идентичности, демонстративно пренебрегая при этом недовольством Брюсселя.

Гендерный разрыв в голосовании за правые популистские партии в зарубежной Европе также в определенной степени связан с неприятием либеральной повестки в сфере семьи и сексуальности. Мужчины голосуют за правых популистов чаще, чем женщины. В Швеции, например, среди мужчин доля симпатизирующих «несистемной» партии «Шведские демократы», была, судя по данным опросов в 2015–2018 гг., примерно вдвое большей, чем среди женщин (рис. 2). Та же тенденция наблюдалась и на выборах в немецкий бундестаг в 2017 г. — электоральная поддержка «Альтернативы для Германии» мужчинами была во всех возрастах выше, чем женщинами (табл. 2).

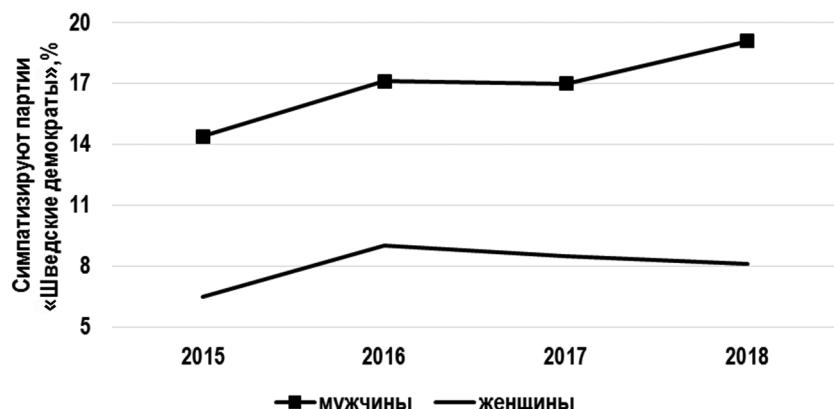

Рис. 2. Доля (%) мужчин и женщин, симпатизирующих партии «Шведские демократы»

Источник: Partisympatiundersökningen... 2018.

⁵ Corriere della serra. 2018. 2 giugno. URL: https://www.corriere.it/politica/18_giugno_02-lorenzo-fontana-famiglie-gay-non-esistono-ora-piu-bambini-meno-aborti-abc3cae2-65d4-11e8-b063-cd4146153181.shtml?refresh_ce (дата обращения: 05.05.2019).

Таблица 2

Доля избирателей (%), проголосовавших на выборах в бундестаг ФРГ в 2017 г. за «Альтернативу для Германии», среди мужчин и женщин

Пол	Всего	Избиратели в возрасте (лет)					
		18–24	25–34	35–44	45–59	60–69	70 и старше
Мужчины	16,3	10,0	16,1	19,7	19,2	16,7	11,3
Женщины	9,2	6,0	9,6	11,2	11,1	9,9	5,9

Источник: Kobold, Schmiedel 2018: 150.

В США, по данным Службы Гэллапа, деятельность Д. Трампа на посту президента год спустя после его вступления в должность одобряли 45% мужчин, но только 33% женщин. Гендерный разрыв в рейтингах Трампа оказался выше, чем тот, что наблюдался после года президентства его недавних предшественников Б. Обамы и Б. Клинтона (женщины положительно оценивали обоих на 6 процентных пунктах чаще, чем мужчины) и Дж. Буша, которого на 7 процентных пунктах чаще одобряли мужчины (Brenan... 2018).

Подобный гендерный разрыв отчасти определяется социально-профессиональной структурой — правых популистов и Д. Трампа чаще поддерживают рабочие, а среди них больше мужчин. Однако обоснованным представляется и еще одно объяснение, дополняющее предыдущее — мужской избирательный блок правых популистов ощущает себя группой, дискриминируемой либеральной повесткой, выдвинувшей на первый план права иммигрантов, женщин и сексуальных меньшинств.

Заключительные замечания

Процесс формирования семейной политики в современном мире далеко не завершен. Поиск наилучшего варианта такой политики происходит во многих странах и, как правило, сопровождается идеологической полемикой, поскольку различные политические силы видят «правильные» ответы на вызовы современности по-разному. Этот поиск происходит путем проб и ошибок — в современной истории семейной и демографической политики немало примеров, когда их результаты оказывались далеки от ожидаемых.

Международные отношения и внутриполитический фон семейной политики в 2010-е гг. существенно отличаются от тех, что были характерны для конца прошлого столетия. Ответом на либеральную повестку 1990-х стало формирование в XXI столетии многочисленных и весьма влиятельных групп ее противников. В незападных странах подобная повестка стала восприниматься как «тroyянский конь» Запада. Это, как на официальном идеологическом уровне, так и в массовом сознании, привело к стремлению противопоставить «западному» свое, «почвенное», в том числе в сфере семейной политики. На самом же Западе, вопреки прогнозам либерального «конца истории», начался рост популярности антилиберальных популистских партий, кандидатов и программ. Возвращение, хотя и не слишком громогласное, диады «национальная идентичность — рождаемость» на политико-демографическую арену России и Запада является одним из проявлений данной тенденции.

Поиск наилучшего варианта взаимодействия между государством и организациями третьего сектора в каждой стране неизбежно ограничен ее цивилизационной матрицей, важнейшим и весьма инерционным элементом которой являются отношения между государством и обществом. Опыт России 1990-х гг. свидетельствует о том, что если организации третьего сектора не финансируются своим государством, то финансируются чужими. В 2010-е гг. ситуация изменилась, однако сделала актуальной другую проблему — поддержание креативного потенциала и инициативности российских социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях их финансовой зависимости от государства.

Источники

Взгляды россиян на феминизм [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://iom.anketolog.ru/2018/10/15/otnoshenie-rossiyan-k-feminizmu> (дата обращения: 05.05.2019).

Де Гольль Ш. Военные мемуары. Т. 3: Спасение 1944–1946. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. 799 с.

Елисеева И. И., Клуфт М. А. Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 53–65. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-8-53-65.

Зеликова Ю. А., Чернова Ж. В. Патернализм современной российской семейной политики: позиция государства и ожидания граждан // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 96–110.

Клуфт М. А. Государство, «третий сектор» и демографическая политика // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 24–33.

Клунт M. A. Трансформация и дискурсы китайской семьи // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений в России и Китае / Под ред. И. И. Елисеевой. СПб.: Реноме, 2018. С. 12–49. DOI: 10.25990/socinstras.rus-chin.mrzj-mb83.

Ломанов А. Неоконсерватизм с китайской спецификой [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2017. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Neokonservatizm-s-kitaiskoi-spetsifikoi-18915> (дата обращения: 06.05.2019).

Россиянов О. К. Цена прогресса и ценности науки: новая книга по истории евгеники // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 178–186.

Albrecht C., Fichtl A., Redler P. Fathers in Charge? Parental Leave Policies for Fathers in Europe // ifo DICE Report. Vol. 15, No. 1. 2017. P. 49–51.

Le Bras H. Marianne et les lapins: l’Obsession démographique. Olivier Orban, 1991. 284 p.

Brenan M. Gap on Trump Approval Bigger than Predecessors' [Electronic resource]. 2018. URL: <https://news.gallup.com/poll/226178/gender-gap-trump-approval-bigger-predecessors.aspxGender> (access date: 06.05.2019).

Kobold K., Schmiedel S. Wahlverhalten bei der Bundestagswahl 2017 nach Geschlecht und Alter. Ergebnisse der repräsentativen Wahlstatistik. Statistisches Bundesamt // WISTA. No. 3. 2018. P. 142–157.

Lobbying for Faith and Family. A Study of Religious NGOs at the United Nations. Norad Report 7/2013. Oslo, 2013. 38 p.

De Luca Barrusse V. La revanche des familles nombreuses: les premiers jalons d’une politique familiale (1896–1939) // Revue d’histoire de la protection sociale. No. 2. 2009. P. 47–63

Partisympatiundersökningen november 2018 [Elektronisk resurs]. Stockholm: SCB, 2018. URL: https://www.scb.se/contentassets/2bdd1d03007048c9a8f3338710bf91dd/me0201_2018m11_br_me60br1802.pdf (tillträdesdatum: 06.05.2019).

Lennerhed L. The Swedish Sterilisation Policy: A Skeleton in the Cupboard? // Reproductive Health Matters, 1997. No. 10. P. 156–157.

Letablier M.-T. Fertility and Family Policies in France // Journal of Population and Social Security (Population). Vol. 1, Supplement. 2003. P. 245–261.

Messu M. Les politiques familiales: du natalisme à la solidarité. Paris: Les éditions ouvrière, 1992. 142 p.

Mossuz J. La régulation des naissances: les aspects politiques du débat // Revue française de science politique. 1966. Vol. 16, No. 5. P. 913–939.

Rosental P.-A. L’intelligence démographique. Sciences et politiques des populations en France (1930–1960). Paris: Odile Jacob, 2003. 368 p.

Thebaud F. Le mouvement nataliste dans la France de l’entre-deux-guerres: l’Alliance nationale pour l’accroissement de la population française // Revue d’histoire moderne et contemporaine. 1985. Vol. 32, No. 2. P. 273–301.

World Population Prospects: The 2017 Revision [Electronic resource]. UN, 2017. File F/4. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Fertility/> (access date: 06.05.2019).

References

Albrecht C., Fichtl A. Redler P. Fathers in Charge? Parental Leave Policies for Fathers in Europe. *ifo DICE Report*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 49–51.

Brenan M. *Gap on Trump Approval Bigger than Predecessors'*. 2018. URL: <https://news.gallup.com/poll/226178/gender-gap-trump-approval-bigger-predecessors.aspx> (access date: 06.05.2019).

De Goll' Sh. *Voennye memoary [War memoirs]*. Vol. 3: Spasenie 1944–1946 [Salvation 1944–1946]. Moscow, AST, Astrel', Tranzitkniga, 2004, 799 p. (In Russian)

Eliseeva I. I., Klupt M. A. Transformatsiya sem'i v Rossii i Kitae: sravnitel'nyy analiz [Family transformation in Russia and China: comparative analysis]. *Voprosy statistiki [Issues of Statistics]*, 2016, no. 8, pp. 53–65. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-8-53-65. (In Russian)

Klupt M. A. Gosudarstvo, “tretiy sektor” i demograficheskaya politika [State, “the third sector” and population policy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2016, no. 6, p. 24–33. (In Russian)

Klupt M. A. Transformatsiya i diskursy kitayskoy sem'i [Transformation and Discourses of Chinese Family]. *Novaya znachimost' sem'i i mezhpokolennyh otnosheniy v Rossii i Kitae [New Importance of Family and International Relations for Russia and China]*. Ed by. I. I. Eliseeva. Saint Petersburg, Renome, 2018, pp. 12–49. DOI: 10.25990/socinstras.10.25990/socinstras.rus-chin.mrzj-mb83. (In Russian)

Kobold K., Schmiedel S. Wahlverhalten bei der Bundestagswahl 2017 nach Geschlecht und Alter. Ergebnisse der repräsentativen Wahlstatistik. Statistisches Bundesamt. *WISTA*, 2018, no. 3, pp. 142–157.

Le Bras H. *Marianne et les lapins: l'Obsession démographique*. Olivier Orban, 1991, 284 p.

Lennerhed L. The Swedish Sterilisation Policy: A Skeleton in the Cupboard? *Reproductive Health Matters*, 1997, no. 10, pp. 156–157.

Letablier M.-T. Fertility and Family Policies in France. *Journal of Population and Social Security (Population)*, 2003, vol. 1, Supplement, pp. 245–261.

Lobbying for Faith and Family: A Study of Religious NGOs at the United Nations. Norad Report 7/2013. Oslo, 2013, 38 p.

Lomanov A. Neokonservativizm s kitayskoy spetsifikoy [Neo-conservatism with Chinese specifics]. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]*, 2017, no. 4, URL: <https://globalaffairs.ru/number/Neokonservativizm-s-kitaiskoi-spetsifikoi-18915> (access date: 06.05.2019). (In Russian)

De Luca Barrusse V. La revanche des familles nombreuses: les premiers jalons d'une politique familiale (1896–1939). *Revue d'histoire de la protection sociale*, 2009, no. 2, pp. 47–63.

Messu M. *Les politiques familiales: du natalisme à la solidarité*. Paris, Les édition ouvrière, 1992, 142 p.

Mossuz J. La régulation des naissances: les aspects politiques du débat. *Revue française de science politique*, 1966, vol. 16, no. 5, pp. 913–939.

Partisympatiundersökningen november 2018. Stockholm, SCB, 2018, URL: https://www.scb.se/contentassets/2bdd1d03007048c9a8f3338710bf91dd/me0201_2018m11_br_me60br1802.pdf (access date: 06.05.2019).

Rosental P.-A. *L'intelligence démographique. Sciences et politiques des populations en France (1930–1960)*. Paris, Odile Jacob, 2003, 368 p.

Rossiyanov O. K. Tsena progressa i tsennosti nauki: novaya kniga po istorii eugeniki [The price of progress and values of science. New book on history of eugenics]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki [Issues of history of natural science and technics]*, 2000, no. 1, pp. 178–186. (In Russian)

Thebaud F. Le mouvement nataliste dans la France de l'entre-deux-guerres: l'Alliance nationale pour l'accroissement de la population française. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1985, vol. 32, no. 2, pp. 273–301.

Vzglyady rossiyan na feminizm [Russians' views on feminism]. 2018. URL: <https://iom.anketolog.ru/2018/10/15/otnoshenie-rossiyan-k-feminizmu> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

World Population Prospects: The 2017 Revision. UN, 2017. File F/4. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Fertility/> (access date: 06.05.2019).

Zelikova Yu. A., Chernova Zh. V. Paternalizm sovremennoy rossiyskoy semeynoy politiki: pozitsiya gosudarstva i ozhidaniya grazhdan [Paternalism of contemporary Russian family policy: the state position and the cityzens' expectations]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie [Human. Community. Management]*, 2012, no. 4, pp. 96–110. (In Russian)

Клупт Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Klupt Mikhail, Dr. Sc. (Economics), Professor, SPbSEU.

klupt@mail.ru